

Много внимания уделил автор Г.-Ф. Миллеру. Вопреки существующему представлению, по которому Г.-Ф. Миллер известен только как историк, М. О. Косвен показал, что он был и выдающимся этнографом-собирателем. Автор дает характеристику общих взглядов Миллера на этнографию, рассматриваемую им, как часть всеобщей истории. Миллер обратил внимание на важность применения историко-сравнительного метода в этнографических исследованиях и подчеркнул важность этнографии в России — государстве многонациональном.

В статье дан обстоятельный разбор опубликованных этнографических трудов и рукописного наследства И.-Г. Гмелина, С. П. Крашенинникова, Г.-В. Стеллера, И.-Г. Фишера. Особого внимания заслуживают материалы о переводчике экспедиции, выдающемся этнографе-собирателе Я. И. Линденау. Собранные им ценнейшие и весьма подробные этнографические данные о якутах, коряках, чукчах, бурятах до сих пор не введены в научный оборот (за исключением описания пеших охотских тунгусов). Большой интерес представляет и обзор графических материалов экспедиции. М. О. Косвен дает достойную оценку научных результатов Великой северной экспедиции. Вместе с тем статья является ценнейшим указателем документальных этнографических материалов о народах северо-востока Сибири в XVIII в. Следует надеяться, что появление этой статьи привлечет внимание общественности к трудам Великой северной экспедиции и ускорит публикацию хранящихся в архивах этнографических материалов ее участников.

Рассмотрение содержания третьего тома «Сибирского этнографического сборника» показывает, что помещенные в нем работы вносят значительный вклад в изучение исторической этнографии, как в широком ее понимании — изучение культуры и быта народов прошлого, так и в узком — изучение этнографических вопросов по письменным источникам. И хотя работ по этнографии Сибири много, а в последнее время появились и сводные труды, далеко не все культурное наследство прошлого, быстро исчезающее из быта, изучено. Поэтому нельзя недооценивать опубликованные новые материалы по этнографии Сибири — важного исторического источника, имеющего определенное значение и для понимания современной культуры.

И. Гурвич

A. Viires. *Eesti rahvapärane puutööndus. Ajalooline ülevaade*. ENSV Teaduste Akadeemia Ajaloo Instituut, Tallinn, 1960, 334 стр.

В конце 1960 г. в Таллине вышла из печати работа А. О. Вийреса «Эстонское народное деревообделочное ремесло». Книга интересна не только для специалистов по этнографии Эстонии, но и для широкого круга этнографов и историков, потому что тема разработана автором широко, методика исследования хорошо продумана.

Книга состоит из двух основных частей: первая — «Техника обработки дерева», вторая — «Развитие общественного разделения труда в области крестьянского деревообделочного ремесла». В книге много иллюстраций — рисунков, фотографий, карт. Список использованной литературы включает более 250 названий на 11 языках; предметный и терминологический указатели весьма облегчают пользование книгой.

Хронологические рамки изучаемого периода развития ремесла — X—XX вв. Тема ограничена исследованием тех видов ремесла, которые касаются обработки дерева (исключается использование коры, прутьев и корней, опущена также техника изготовления лодок и парусников).

А. Вийрес изучил предметные коллекции и научные архивы эстонских музеев, лекции Института истории АН ЭССР и др. Используются данные, собранные автором во время полевых поездок (1946—1958 гг.), и лингвистические материалы Института языка и литературы АН ЭССР.

Деревообделочное ремесло в Эстонии было тесно связано с земледелием и другими отраслями хозяйства, а в некоторых районах страны составляло для крестьян в определенные периоды значительный источник средств к существованию. При этом развитие деревообделочного ремесла имело в Эстонии ряд особенностей. Завоевание Прибалтики иноземными захватчиками в XIII в. не только нарушило естественный ход развития этих областей, но продолжало веками отражаться на всех сторонах жизни местного населения. В Эстонии особенно ошутим был разрыв между городским и сельским ремеслом. Поскольку эстонцы практически не допускались в городские цехи, в деревне ремесло развивалось изолированно, независимо от городского и часто параллельно ему.

В первом разделе работы исследуется деревообделочная техника: какие породы деревьев и для каких целей использовали крестьяне, как они получали древесину. Надо отметить, что ограничения крестьянского лесопользования приняли в Эстонии систематический характер уже с XVIII в., но поскольку они шли вразрез с нормами обычного права, крестьяне продолжали рубить лес тайно, не считая это воровством.

Сведения об инструментах, которыми располагали крестьяне до XIX в., очень скудны, однако можно установить, что применялись топоры, ножи, скобели, сверла,

пилы, струги и долота. Рассматривая эти инструменты, автор приводит широкие сравнительные материалы и дает этимологический анализ терминологии.

Особенно интересны материалы о топоре (*kirves* < балт.), который в феодальной деревне был универсальным инструментом крестьянина. Автор прослеживает историю развития топоров на исследуемой территории начиная с X—XI вв., когда в Прибалтике получили распространение широколезвийные топоры, отеснившие благодаря своим техническим преимуществам прежние узколезвийные. Широколезвийные топоры, которые в различных вариантах распространились уже с IX в. на соседних территориях — в России, в Финляндии и др., в Эстонии известны двух типов. Первый имел опущенное лезвие с глубокой выемкой, другой — без выемки и с широкой дугообразной режущей частью. Первый служил в основном для лесных и строительных работ, второй — для обтесывания бревен. Вероятно, обе формы могли использоваться как оружие. Автор полагает, что заимствование из русского языка термина «*tapper*» (топор) восходит ко времени совместных военных походов эстонцев и русских в IX—XIII вв. Термин этот применяется именно для небольших топоров, какие в прошлом, причем еще и в середине XVII в., употреблялись в качестве боевых. С XIII в. в Эстонии наибольшее распространение получили топоры с лезвием, имеющим небольшую выемку и слегка изогнутый режущий край. Исчезает этот тип, очевидно, в XVII—XVIII вв. Характерная для эстонского топора короткая проушная часть связывает его с русскими топорами этого типа и отличает от западноевропейских. Хотя в Эстонии встречались топоры с длинной проушной частью, ими пользовались в основном городские ремесленники. Так что топоры западного типа, распространившиеся, например, в Финляндии, для эстонцев остались чуждыми, несмотря на постоянный приток немецких ремесленников, работавших, естественно, инструментами западного типа.

В последние два столетия в Эстонии бытуют топоры с коротким проухом и симметричным, расширяющимся в виде треугольника лезвием, т. е. тоже русского типа. Распространились они в Эстонии частично через русских торговцев, очевидно из центров изготовления их в Тверской губернии. Значительная часть их изготовлялась и эстонскими мастерами. Только с развитием капиталистических отношений в деревню проникают топоры фабричного производства.

Далее А. Вийрес рассматривает другие инструменты: ножи, пилы, струги, рубанки, столярные верстаки, различные сверла и измерительные приборы. Надо заметить, что последним, на наш взгляд, уделено недостаточно места. Между тем изучение измерительных методов средневековых мастеров может, как показали советские археологи, быть весьма интересным и плодотворным.

Затем автор переходит к деревообделочной технике: долбежным работам, бондарным изделиям и изделиям из обечаек, гнутую дерева, изделиям из щепы, токарным и столярным работам.

При исследовании техники деревообделочного производства, проведенном с большим мастерством, автор широко пользуется лингвистическим анализом. Так, например, он устанавливает три группы названий бондарных изделий: древние названия, широко известные в прибалтийско-финских языках, которые обозначают по преимуществу небольшие сосуды: ведро (*gaand, sang*), шайку (*karp, kipp, kihu*), кадочку (*lännik*). Затем группу чисто эстонских терминов, частью поздних, частью уходящих в древность. Сюда относятся общие названия типа «сосуд», «посуда», «утварь» и т. п., а также такие, как подойник, бочонок для молока (*tsõõrik, ummik*) и др. Заимствования составляют третью группу — многочисленные поздние заимствования из нижне-немецкого, некоторые из русского языка. Заимствованная терминология относится, как правило, к сосудам с двумя днищами. На основе анализа терминологии автор приходит к выводу, что наиболее древними являются сравнительно небольшие бондарные сосуды — кадочки, ведра, шайки; некоторые другие, в первую очередь сосуды с двумя днищами, появились лишь в период феодализма. Этот вывод подтверждается анализом археологических материалов и техники изготовления бондарных изделий. Однодонные сосуды изготовлялись иначе, чем двухдонные. В первом случае утор для дна вырезался в каждой клепке отдельно при помощи уторного ножа (способ, известный также в Скандинавии, Финляндии, на севере Латвии, у води и ижоры в Ленинградской области), во втором — пользовались утором-пилкой и вырезали утор, когда корпус сосуда был уже скреплен. Автор приходит к выводу, что оба способа вырезания утора возникают параллельно, но на разных территориях. В Эстонии древним способом является первый; второй проникает в деревню из городского ремесла, но немецких ремесленников, не ранее XIII в. и не получает широкого распространения в народе.

Этнографически очень интересен раздел, посвященный изделиям из обечаек, т. е. изделиям, у которых стенки цилиндрической формы из тонких согнутых пластинок дерева, а дно вставное. В Эстонии были очень широко распространены гнутые лукошки, севалки и короба различных размеров, решета, грохоты. В этом разделе детальное описание техники, которое дает автор, особенно важно, так как интересно параллели с аналогичной техникой у соседних народов. Так, в Эстонии при изготовлении крупных предметов обечаики сшивались кленовой дранью, для решет и коробов использовали липовое лыко, для маленьких коробочек — гусиные перья или полоски рога, а на островах и на северо-западе материковой части Эстонии обечаики соединялись медной либо оловянной клепкой или деревянными штифтами. Чтобы укрепить

дно, по краю его вырезали фальц, срезая днище примерно на половину толщины, а затем вставляли дно в корпус и укрепляли его косо вбитыми со стороны дна гвоздиками. Только в западной части Сааремаа и на юге Эстонии встречаются иногда короба с дном без фальца. Дно просто было вставлено внутрь корпуса и укреплено гвоздиками, вбитыми снаружи по нижнему краю стенки. Сравнительные материалы приводят А. Вийреса к выводу, что по технике изготовления обечаек Эстония является районом, где сосуществуют как восточные черты (техника сгибания обечайки, применение драни для скрепления швов), так и западные (некоторые способы гнутья обечайки, сшивание ее гусиными перьями, дно с фальцем). В то же время эстонская техника имеет и специфические черты, отличающие ее от техники других народов, в частности литовцев и латышей. На примере техники изготовления обечаечных изделий автор очень выразительно показывает, как много может дать подобного рода материал для выяснения культурных взаимосвязей народов и насколько существенно для этого изучение техники различных ремесел. В этом же плане ценно описание техники гнутья дерева. Гнутье широко применялось при изготовлении средств транспорта — дуг, полозьев, колес и др. Автор высказывает мнение, что способы изготовления гнутого полоза (в Эстонии ему предшествуют полозья из копани, бытующие еще на западе республики), гнутого обода для колеса, который получил распространение лишь в восточных и юго-западных районах Эстонии, а также дуги пришли в Прибалтику с востока. Это подтверждается также тем, что они известны не на всей территории Прибалтики, а лишь на востоке. В этом вопросе автор расходится с некоторыми исследователями (В. В. Стасов, К. Вилкуна), которые полагают, что дуга возникает именно у финно-угорских народов.

Что касается поделок из щепы, то А. Вийрес считает, что в этом отношении восточная часть Эстонии составляет прямое продолжение территории северо-западной России и техника плетения из щепы генетически связана с русской, в то время как на западе Эстонии преобладают в быту корзины, плетенные из сосновых корней и из прутьев.

* * *

В разделе о развитии общественного разделения труда в области деревообделочного ремесла автор прежде всего рассматривает деревенских ремесленников. Проанализировав те конкретные сведения, которые мы имеем о ремесленниках в прошлом по письменным источникам, а также данные информаторов, А. Вийрес излагает картину развития ремесла в эстонской деревне следующим образом. Он полагает, что древоделы, в широком смысле этого слова, начали выделяться в эстонской деревне как ремесленники уже в раннефеодальный период, до немецкого завоевания. В источниках они зафиксированы на рубеже XIV—XV вв. Затем деревообделочное ремесло развивается в деревне по линии дальнейшей специализации: в XVI в. мы находим упоминания о колесниках и бондарях, в XVII в. — о столярах. Обычно это мызные ремесленники, тогда как ремесленники-древodelы выполняли работы в равной мере и у помещика, и у крестьян. В XVIII в. в деревне появляется значительное число токарей. При этом ремесленное искусство колесников, древоделов и бондарей, изготавливавших однодонные сосуды, развивалось на базе народного ремесла и его технических приемов, а столары и токари имели принесенную из города технику.

Автор на основании сравнительных материалов отмечает отставание в развитии ремесла эстонской деревни от русской; это в значительной мере являлось результатом узкой сельскохозяйственной ориентации остзейских баронов, что вело к тягчайшей перегрузке эстонских крестьян барщинными повинностями. Вследствие крайней нищеты и господства натурального хозяйства деревня и не могла составить рынка для ремесленников. Только развитие капитализма в XIX в. изменяет положение вещей, и на некоторое время наблюдается заметный рост деревенского ремесла. Однако подъем был непродолжителен. Деревенское ремесло вытеснялось товарами промышленного производства, а с ним, кроме того, конкурировали и некоторые центры кустарных промыслов, например Авиурме. Автор специально останавливается на экономическом положении ремесленников. Ремесло в феодальный период было тесно связано с земледелием. Не говоря о том, что крестьяне сами выполняли большую часть деревообделочных работ в своем хозяйстве, ремесленники, в свою очередь, занимались сельским хозяйством. Правда, среди них рано упоминаются крестьяне без земли или малоземельные, но нередко ремесленники имели обычный двор и кесли барщинную повинность. И в капиталистический период большая часть деревообделочников — 64% — сочетала ремесло с земледелием. Большинство ремесленников принадлежало к деревенской бедноте, хотя и были отдельные зажиточные ремесленники.

В последнем разделе автор рассматривает положение деревообделочного ремесла в колхозной деревне. В настоящее время ремесленник с узкой специализацией в деревне исчез. Нужды деревни в этом плане обеспечивают деревообделочные предприятия, имеющие современную технику. В качестве колхозных ремесленников выступают сейчас плотники, ведущие строительные работы и ремонт инвентаря.

Что касается кустарных промыслов, то в этом отношении Эстония была одной из самых отсталых областей России. В значительной мере потребности эстонских крестьян удовлетворялись русскими изделиями. Тем не менее в Эстонии был целый ряд центров

деревообделочных кустарных промыслов. Среди них можно отметить более древние, возникшие в XVI—XVII вв. (Авинурме, Хийумаа), и более молодые — XVIII в. (Лайксааре, Лелле и др.).

Слабое развитие промыслов неудивительно: они базировались на примитивной технике, унаследованной от феодального времени, специализация была очень слабой, наемных рабочих почти не было — чаще нанимали батраков для сельскохозяйственных работ, и то только более зажиточные ремесленники. Из среды зажиточных кустарей выделились со временем скупщики, но далее развитие промыслов не пошло: не возникает ни раздачи работы на дом, ни простой кооперации. Развитие кустарных промыслов в эстонской деревне началось так поздно, что очень быстро они были оттеснены с рынка промышленными товарами. В значительной мере это объясняется особенностями исторического развития Эстонии и социально-экономического положения крестьян.

* * *

Крестьянские ремесла в этнографической литературе освещены, к сожалению, явно недостаточно, а исследования по ремеслу эстонских крестьян до последнего времени практически отсутствовали. Поэтому работа А. Вийреса представляет существенный интерес для всех этнографов и является ценным вкладом в изучение жизни и быта эстонских крестьян.

Заметим, что изучение крестьянского ремесла дает автору работы благоприятную возможность нарисовать объективную картину жизни эстонского крестьянства, в частности показать, что самодовольно-пренебрежительное отношение немцев к коренному населению (диктовавшееся в данном случае в не малой степени боязнью конкуренции) вело к тому, что эстонцы не имели возможности воспринять и те действительно полезные элементы культуры, которые были у завоевателей. Поэтому развитие эстонского ремесла, его совершенствование шло своим особым путем. Работа А. Вийреса дает богатый материал для убедительного показа того, что утверждения апологетов культуртрегерской роли остзейцев в Эстонии беспочвенны. Если какие-либо приемы или инструменты и проникали в эстонскую деревню из городов Эстонии, то, как правило, это происходило против воли остзейцев и случайно. Это очень удачно продемонстрировано автором в разделе о бондарных изделиях, где он опровергает мнение, неоднократно выдвигавшееся буржуазными этнографами (Биленштейн, Лейнбок), о том, что бондарная техника будто бы полностью была заимствована эстонскими крестьянами у немецких ремесленников.

Запрет приема эстонцев в городские цеховые организации искусственно изолировал их от восприятия технических навыков, применявшихся в городах. Это способствовало деятельности русских заочных ремесленников и широкому распространению русских приемов деревообделочного ремесла в народе.

Отличительной чертой работы А. Вийреса является приведение значительного и умело подобранного сравнительного материала. Автору удалось показать, что на территории Эстонии прослеживаются уходящие к весьма древним временам связи как с западными соседями, так и с народами Восточной Европы, особенно с русскими, о чем убедительно свидетельствуют многие страницы рецензируемой книги. В освещении этой стороны вопроса заслуга автора несомненна, ибо восточные связи часто сознательно игнорировались буржуазными учеными. Как показывает А. Вийрес, для эстонского деревообделочного ремесла было характерно одновременное существование разных типов инструментов, различных технических приемов и т. п., так как по территории Эстонии проходила граница распространения этнографических явлений западного и восточного типа, что, разумеется, несколько не исключает самобытности эстонского деревообделочного ремесла (см., например, разделы об изделиях из обечаек, о гнутые дерева и др.).

Сильная сторона рецензируемой работы — широкое использование лингвистических материалов, анализ терминологии, позволяющие автору гораздо полнее и выразительнее подтверждать выдвигаемые им положения. Пожалуй, недостаточно внимания уделено вопросу о проникновении в эстонский язык немецкой терминологии в исследуемой области.

Весьма ценно то, что автор доводит изучение ремесла до наших дней, хотя в некоторых местах текст соответствующего раздела звучит несколько декларативно.

Следует отметить как положительную сторону изданной книги наличие резюме на русском и немецком языках. Однако следует заметить, что составлено оно не очень удачно: читатель, не имеющий возможности ознакомиться с работой в подлиннике, не увидит причин возникновения и исчезновения различных видов орудий труда, а только их смену. Есть в резюме и ряд стилистически неудачных формулировок (например, «Гнутый полоз, обод и дуга явно являются результатом развития технической мысли, медшей в одном и том же направлении», стр. 296).

В целом же книга несомненно, нужна и интересна.

Н. Шлыгина